

— Добродетельный брат, не гневайся. На самом деле я тоже не хочу верить, что племянница могла сделать такое, но, по факту, кто-то видел, как она ушла с двумя мужчинами. Что произошло в тот момент, думаю, нам не нужно объяснять. Чтобы наши семьи могли продолжать дружить, давай расторгнем этот брачный договор! — уговаривал Цзян Даофан.

— Расторгни! Нашей Туне не нужно быть невестой вашей семьи! — ответил староста Ань.

— Добродетельный брат, семья Цзян расторгает договор вынужденно. Как насчёт того, чтобы семья Ань, согласно обычаям, компенсировала нам что-то? — Цзян Даофан продолжал наглеть.
— Если не хотите компенсировать, то, поскольку у тебя нет детей, почему бы не усыновить кого-то из рода, чтобы было кому заботиться о тебе в старости. У меня, Цзян Даофана, тоже есть дочь, и наши семьи могут продолжить исполнять брачный договор, заключив союз на сто лет.

Староста Ань был настолько возмущён его бесстыдством, что у него хлынула кровь изо рта. Он давно знал о жадности Цзян Даофана, но, чтобы Ань Тун могла жить хорошо после замужества и чтобы Цзян Чэнъань хорошо к ней относился, он делал вид, что ничего не знает. Он думал, что, когда Ань Тун выйдет замуж, он даст богатое приданое, и часть этих денег, которые Цзян Даофан уже забрал, можно будет считать частью приданого. Но он не ожидал, что его семья вырастила волка!

Более того, ребёнок, которого Цзян Даофан предлагал усыновить, явно не был бы ребёнком Ань Цая, а скорее всего, ребёнком Ань Мао. Они объединились, чтобы захватить его имущество!

Видя, как её родителей так унижают, Ань Тун разрыдалась. Она должна была это помнить, но после перерождения забыла. Она лишь смутно помнила, что её родители пострадали из-за слухов о ней, но не помнила, насколько глубокой была их боль!

Любовь её родителей к ней стала в итоге оружием, которым враги ранили их. После этого они даже не смогли оправиться, дав Ань Мао и семье Цзян возможность действовать. Даже когда второй дядя Ань и глава рода вмешались, ситуация только ухудшилась...

— Тун, Тун!

Ань Тун услышала, как кто-то зовёт её. Её зрение начало расплываться, и, погрузившись в темноту, она резко открыла глаза, крепко схватив руку, которая лежала на её руке.

— Тун! — позвала Ли Цзиньсю.

Ощущения были настолько реальными, что Ань Тун некоторое время не могла понять, что она снова «вернулась».

— Мама? — Ань Тун крепко сжала руку, вспоминая всё, что видела во сне, и слёзы потекли по её щекам.

— Ты наконец очнулась, — сказала Ли Цзиньсю.

— Что со мной?

— Ты простудилась и проспала целые сутки, — ответила Ли Цзиньсю.

— Как я могла простудиться в такую жару? — утешала себя Ань Тун, но в душе понимала, что

это связано с её сном.

На самом деле она не могла вспомнить события прошлой жизни или сюжет книги, вероятно, это был способ, которым боги защищали её. Ведь попытки вспомнить эти события вызывали у неё головную боль.

А теперь, когда она так чётко увидела, что произошло после её смерти, цена была ещё выше, чем головная боль. Возможно, когда она вспомнит весь сюжет книги, она уже не будет существовать.

— Лекарь сказал, что, возможно, ты съела слишком много холодного, а в комнате было слишком много льда для охлаждения, — сказала Ли Цзиньсю, вытирая её слёзы. — Почему ты плачешь?

— Наверное, съеденный лёд растаял, и, пока я спала, он вышел в виде слёз, — шутливо ответила Ань Тун.

Ли Цзиньсю тоже рассмеялась:

— Вставай, поешь каши и выпей лечебный отвар.

— Хорошо, — согласилась Ань Тун.

Ли Цзиньсю немного помолчала, а затем добавила:

— На этот раз не удалось расторгнуть брачный договор, но не переживай, выход найдётся.

Ань Тун, в отличие от своего обычного стремления расторгнуть договор, с холодным блеском в глазах улыбнулась:

— Мама, всё в порядке, я не переживаю.

— ... — Ли Цзиньсю показалось, что Ань Тун ведёт себя странно, но она не могла понять, в чём дело, и решила, что это из-за болезни и слабости.

После того как Ань Тун поела каши и выпила отвар, Ли Цзиньсю ушла. Шао Жу и Жэнь Цуйжоу помогли Ань Тун привести в порядок постель, убрали старые простыни, пропитанные болезнью, и заменили их новыми. Ань Тун встала, чтобы сходить в туалет, а затем вернулась и села на кровать, молча.

— Госпожа... — Жэнь Цуйжоу хотела что-то сказать, но, увидев холодный взгляд Ань Туна, растерялась.

— Что случилось? — спросила Ань Тун.

— ...Ты хочешь отдохнуть или прогуляться? — спросила Жэнь Цуйжоу.

Ань Тун подумала и ответила:

— Пойдём прогуляемся. На самом деле, кроме холода, я не чувствую себя настолько плохо, чтобы не двигаться.

Надев дополнительный слой одежды, Ань Тун вышла из комнаты. Солнце уже зашло, и вся усадьба была освещена фонарями.

Ань Тун вдруг вспомнила белые фонари, украшавшие усадьбу, и на мгновение замерла, а затем тихо рассмеялась.

Цзян Даофан, Цзян Чэнъань, Ань Мао...

Они думали, что всё закончилось?

Автор думал, что она смирится?

В тот день, когда уездный воевода Цзян написал письмо с просьбой заступиться за Ша Цяньцянь, он спросил чиновника, занимавшегося её делом, был ли он предупреждён о том, что Ша Цяньцянь выходит из списка проституток.

Чиновник, хотя и был учеником отца уездного воеводы Цзяна, когда тот был чиновником, также был мужем двоюродной сестры Ли Цзиньсю. Поскольку он выполнил просьбу Ли Цзиньсю, он не стал раскрывать эту информацию уездному воеводе Цзяну.

Хотя уездный воевода Цзян не смог получить ответ от чиновника, он всё же нашёл способ узнать, что чиновник связан с семьёй Ань. В ярости он воскликнул:

— Как же я был слеп! Я всегда думал, что он не связан с семьёй Ань и с семьёй Ли Цзиньсю, но оказалось, что этот чиновник — муж двоюродной сестры Ли Цзиньсю!

Транспортный комиссариат Лянчжэ располагался в Линьане, а семья Ли Цзиньсю как раз была из Линьяня!

Уездный воевода Цзян хотел найти повод для конфликта с Ша Цяньцянь, но Цзян Чэнъань сказал, что в Обители Цайвэй её уже не было. Более того, семья Ань, сделавшая ход, не позволила бы семье Цзян навредить Ша Цяньцянь. Если бы Цзяны продолжили действовать, семья Ань могла бы устроить ещё одну ловушку.

Кроме семьи Ань, бывшие клиенты и друзья Ша Цяньцянь также следили за Обителью Цайвэй. Семья Цзян, не найдя доказательств против Ша Цяньцянь, вызвала бы только всеобщее недовольство.

Таким образом, уездный воевода Цзян мог только смириться, но внутри он очень хотел, чтобы Цзян Чэнъань как можно скорее женился на Ань Тун. Промедление могло привести к переменам, и только получив реальную выгоду, он мог быть спокоен.

— Отец, сейчас нам нужно найти других членов семьи Ань и оказать на них давление. С другой стороны, нужно быстрее выяснить, через какие каналы семья Ань продаёт зерно.

Уездный воевода Цзян ответил:

— Я тоже об этом думаю, но проблема в том, что каналы продажи зерна семьи Ань контролируются Ань Цаем. Кроме братьев Ань Мао, остальные члены семьи Ань не так легко поддаются на уговоры.

— В семье Ань много людей, я не верю, что все они настолько бескорыстны и ставят честь семьи выше всего. Чем больше людей, тем больше среди них хитрых и коварных, с которыми можно договориться.

Уездный воевода Цзян посмотрел на него:

— Если бы ты послушал меня и женился на ней раньше, мы бы не оказались в такой ситуации.

Цзян Чэнъянь промолчал.

Новости о том, что Ань Тун не смогла расторгнуть брачный договор, распространились по деревне Фуцю. В то же время двоюродный дядя Ань Тун, Ань Мао, пришёл к старосте Ань с советом:

— Ведь брачный договор был заключён при жизни старшего брата. Если ты внезапно его расторгнешь, разве люди не скажут, что семья Ань нарушает обещания? Более того, для мужчины вполне нормально иметь несколько жён и наложниц. Цзян Чэнъянь просто развлекался с проституткой до свадьбы, а не после.

Староста Ань бросил на своего двоюродного брата косой взгляд. Хотя в доме Ань Мао жили неплохо, он был большим любителем женщин. У него было семь или восемь наложниц, и даже служанки не могли избежать его внимания. Пока он не делал ничего, что могло бы повредить репутации семьи Ань, староста Ань обычно не вмешивался. Но теперь он решил вмешаться в его дела?

<http://bllate.org/book/16381/1482676>